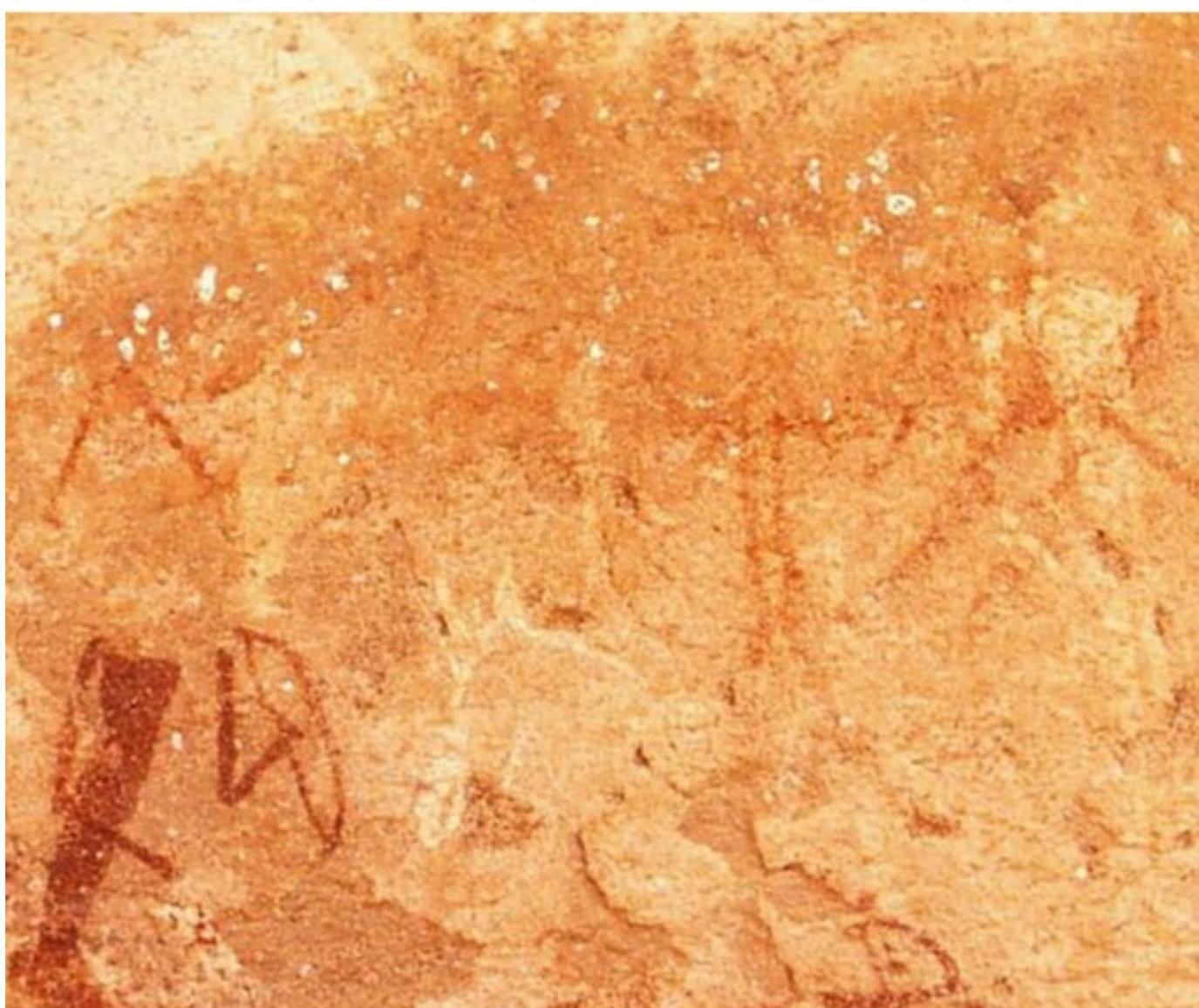

СЕРГЕЙ ЛЫСЕНКО

Киллер и Килиманджаро

Сергей Лысенко
Киллер и Килиманджаро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611786

Аннотация

История киллера Валерия Дурманова, который родился не в то время и не в том месте. Ментовский Харьков в посткризисной Украине – где-то между Европой и Россией. Посреди Слобожанщины – «Килиманджаро», гора, которая транслирует... Повесть в стиле нуар с элементами постмодернизма, которая должна понравиться как читателям-эстетам, так и любителям остросюжетной прозы.

Содержание

1. Не плачь по мне, Украина	5
2. Сумо-зомби на Павловом поле	8
3. Еще один «висяк»	10
4. Лука и Псёл лучше...	11
5. И примкнувший к ним Шепилов	14
6. Вас обслуживает участковый...	15
7. По реке плывет утюг из города Чугуева...	20
8. Мой Гай, Рураль и Ромбо	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Киллер и Килиманджаро

Сергей Лысенко

© Сергей Лысенко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1. Не плачь по мне, Украина

Как Иона в чреве кита, как Ийон в брюхе курдля¹, так и ты – в траке.

Куда? На «Килиманджаро».

Дорогой длинною, словно по португее, перекинутой через голое плечо русской саванны. Куда ни глянь – бесхозные пырейные поля, и только на горизонте вальсируют недорубленные дубы и клены, отпрыски сталинской лесополосы. Всё вырождается и мельчает: деревья на обочине похожи на кусты, а коровы – на коз.

Пейзаж уныл и однообразен. Мощи совхозов. Деревни на смертном одре. И ни одной души, ни одной березы. Жизнь теплится лишь внутри жестянок, которые выкатываются из пыли и тумана – «фольциков», «хюндайчиков» и «субариков».

Грузовик «вольво» несется навстречу этим малышам. Ревет, как Абаддон, сотрясает землю, разрывает тучи. Шестьсот шестьдесят шесть лошадиных сил, подвластные двум всадникам Апокалипсиса.

Водила сурово гнет баранку. Серые угольки сухо тлеют на дне глазниц. Моржовые усы стекают по щекам. Его зовут Фёдрыч, кодовая кличка Мейер – в честь немецкого кругосветчика, покорителя Килиманджаро.

– Конспирация, батенька, конспирация... – объясняет он. – Как переход Ленина через Финский залив, только лед понадежнее. Не кепка вождя, а настоящая шапка-колчаковка. Бэнимэ?

Мейера трудно понять.

– Гору не видно, но она есть. Закрой глаза, окрой рот. Представь ледовую ушанку, нацепи её. Теперь чувствуешь? На макушке ледник Фуртвенглера. Одно ухо холодит Дригальский-Пенгальский, а в другое свистит пастор Ребман.

Ты ежишься от этих названий.

– Этот пастор открыл гору и обратил местных вадаримба в истинную веру. А Мейер и Пурчеллер первыми попробовали снег наверху.

Что еще за Пурчеллер?

– Ты – Пурчеллер, – смеется Мейер. – Альпинист-скалолаз, мой спутник, луна моей жизни...

Ты смотришься в зеркало заднего вида. Стрижка а-ля мальчик-паинька и шарфик, завязанный как байроновский галстук. Забудь об отстреленном ухе. Ты сейчас не Ван Гог. И уж тем более – не Дурманов.

– Проводники называют этот маршрут Марангу, – говорит Майер. – Он простой как «кока-кола». Но мы не ищем легких путей.

И вы съезжаете с трассы в районе Русской Лозовой². Немного вниз – на Черкасскую Лозовую³. Запутываете следы в районе сельского Крещатика и бульвара Тараса Шевченко⁴. И наконец – сквозь западную брешь, по Почтовой улице⁵...

На крутом подъеме грузовик как будто трансформируется в девятиметрового робота о двух ногах. Правой, левой – напрямик, через бодяк и осот, заросли маслины и терновника.

¹ С. Лем, «Звездные дневники Ийона Тихого» («Путешествие четырнадцатое»). Курдль – зверь гигантских размеров с крепким панцирем, непробиваемым даже метеоритами. При охоте на курдлей охотник позволяет проглотить себя и устанавливает внутри животного бомбу с часовым механизмом.

² Русская Лозовая – село Дергачевского района Харьковской области.

³ Черкасская Лозовая – село Дергачевского района Харьковской области.

⁴ Улицы в селе Черкасская Лозовая.

⁵ Дорога в райцентр – город Дергачи.

А вот и лунное плато, откуда белопанельная Алексеевка⁶ выглядит россыпью рафинированных кубиков. Вы устанавливаете американский флаг. С какой радости американский? Шофер не отвечает. Он высасывает дым из сигареты и дает по газам, насвистывая «милого Августина».

– О, ду либер Мейер, Мейер, Мейер... Далеко еще?

Уже почти приехали... Тпру! То есть *хальт*⁷! Вылезай... Штурмовой приют – Хижина дяди Вовы.

Что-то не похоже на приют. Ни хижин, ни спален, ни столовых. Сплошные камни, плиты. Руины захвачены белошеими воронами. Клк-клк-клк, они приближаются к тебе, как к партнеру, с опущенными головами. Клк-клк-клк.

– Белошекие, – говорит Мейер, – хороший знак.

Но ты гонишь ворон. Кырш-кырш⁸ – по-иордански дразнятся они, пока не доходят до одного динара. И традиционное проклятие напоследок – «Никогда».

Ты догоняешь Мейера. Где мы, Фёдрыч? Это дыра, а не гора!

– Обижаешь, – говорит он. – Это бывший завод турбокомпрессоров. А может, электронасосов. Или шарикоподшипников. И где-то здесь, среди цехов и корпусов, спрятался пик Ухуру⁹. Слышишь, как извергается вулкан телепередач?

Ты не слышишь ничего, кроме вороньего карканья.

– Короче, ищи синий павильон.

Мейер прикуривает у мемориальной доски на админкорпусе: от пчеловодческой артели до завода, от гравировальных вальцов для вошины – до турбокомпрессоров. Дядя Вова Ломакин¹⁰ построил, Горбачев сломал.

Типичный постсоветский пейзаж, сплошная Припятть: мусор, ржавчина и паутина. Наркоманские надписи на стенах, побитые фасеточные окна. Всё кажется зараженным, больным. Серая земля, серое небо, а между ними чахлые деревья, облепленные клубками омелы.

Люди ушли отсюда лет двадцать назад, после конца света – развала Союза. Сдали оборудование на металлолом, переквалифицировались в челноков. Одни отправились в Польшу – за жратвой, другие – за шмотками в Турцию. Вернулись уже в новую базарную страну под названием Барабашово¹¹.

Природа не терпит пустоты – на этом месте появилась городская свалка.

Потом появились телевизионщики. И спрятали в обломках, в отходах целую гору...

– Твоя Мекка за углом, – говорит Мейер. – Видишь трубы-минареты? Тебе туда.

Сталкерская тропа обрывается на полушаге. Ты оказываешься прямо перед синим ковчегом...

«Килиманджаро». Гора, которая вещает – разит цифрой, колется единицами, обнуляет. Особенно – сейчас, когда в павильоне снимается шоу «Лучший киллер страны».

В этой стране любят определять лучших. Певцов и поваров, политиков и проституток. Все грешники уже получили свои награды. Остались супертяжеловесы – убийцы, маньяки... Канал расчехлил тяжелую артиллерию. Приелся секс? Вот вам насилие – товсь-цельсь-пли! Горе, горе тому, кого отметил «Килиманджаро» клеймом своим.

Ван Гог имеет одно ухо, он слышит: «Кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом».

⁶ Алексеевка – жилмассив на северо-западе Харькова. Самый перспективный район города.

⁷ Halt (нем.) – стой, стоп, остановка, привал, стоянка.

⁸ Кырш – иорданская монета, сотая часть динара.

⁹ Пик Ухуру – высочайшая точка Килиманджаро (5895 м).

¹⁰ Владимир Ломакин – первый отечественный изобретатель вальцов для изготовления вошины. На базе пчеловодческой артели был образован Дергачевский завод турбокомпрессоров.

¹¹ Бабарашово (Барабашка, Барабан) – крупнейший промышленно-вещевой рынок в восточной Европе.

Слава богу, не сейчас, потом... А потом все равно потоп, град и огонь. И как бы большая гора запылает огнем, и как бы низвергнется в море, от чего вода делается кровью.

Миллион гривен дожидается тебя. Сто двадцать пять тысяч американских долларов по курсу Нацбанка. Пять раундов – двадцать пять штук за каждый. Нормальная такса, если не заставят платить налоги.

Но ты тут не ради денег. Ты *тут*, потому что не *там* – внизу, на Совнаркомовской¹². Ты выбрал большее из двух зол, лишь бы увидеть её, украшенную, облаченную в порфиру и багряницу. И ничего, что в её руках золотая чаша с нечистотами...

В жизни возможны две трагедии: первая – попасть на киллерское телешоу, вторая – не попасть. Ведь на «Килиманджаро» сама жизнь. Здесь нет фальши. Ты не замечаешь никаких суфлеров и статистов. Воспринимаешь всерьез свист или овации. Все настоящие – менты, жлобы, бомжи. И этот пистолет действительно «токаджипт» пятьдесят восьмого года.

И твоя жена... Она немного похожа на Монику и немного на Белуччи¹³. Она умеет красиво говорить. Но как она могла так измениться? Сияющая Мадонна верхом на месяце, в позолоте солнца и венце из двенадцати звезд... Эвита¹⁴-Бонита¹⁵.

«Не плачь по мне, Украина», – поет ведущая киллерского шоу.

Заслуженный учитель Украины растапливает лед Килиманджаро. И ты – семиголовый рогатый зверь, ты клянешься дать ей на блюде, чего она ни попросит.

– Убей, – приказывает она.

---

¹² Совнаркомовская – улица смерти в Харькове, на которой расположено областное управление СБУ (раньше – НКВД, КГБ).

¹³ Моника Белуччи – итальянская киноактриса, известная по фильмам «Малена», «Необратимость» и «Страсти Христовы».

¹⁴ «Эвита» (1996г.) – главный фильм певицы Мадонны.

¹⁵ Bonita (исп.) – прекрасная. «La Isla Bonita» (прекрасный остров) – одна из самых популярных песен Мадонны.

2. Сумо-зомби на Павловом поле

Странной была его походка.

Странно, что он вообще шел.

Его звали Константин Мажара. И это была его ночь, его последняя ночь.

Сумо-зомби на Павловом поле¹⁶. Ходячий мертвец Ниси¹⁷ против кира¹⁸ Хигаси¹⁹, того, кто пришел с востока. Через Лесопарк, улицу Деревянку и Саржин яр – в гости к этому ёкодзуну²⁰, десу, десу²¹. Дзикан иппай²² до победной кати²³.

Я знал, что многоэтажка нависает над местом силы – чудодейственным источником. Здесь, на дне оврага, в купальне исцелялись многие. Особенно после того, как её освятил епископ Онуфрий. Лечили простатит и непростатит, бесплодие и безбрачие. Но ранение в сердце, тем более на таком расстоянии от живительной воды...

Ниси попытался провести ёрикири²⁴, но я выскользнул и пальнул вдогонку. Складки на затылке чавкнули и проглотили пулю.

Мажара наконец остановился, завел руку за голову и ощупал рану. А потом закричал, как муэдзин: «Айя-ая!.. Айя-София... Анна-Мария... и Санта Люсия!..»

Судя по всему, он знал многих женщин. Заткнув пробоины пальцами-сардельками, Мажара продолжал выкрикивать имена:

«И Венера... И Вранча... И Гея...»

Новостройки звучат громко. В этой тоже были слишком тонкие стены – картонные, бутафорские. Конечно же, все слышали выстрелы и крики. Однако дом по-прежнему спал мертвым сном. Вернее – притворялся.

Соседи лежали под одеялами, надеясь, что им почудилось. Надежда – компас земной. За смелость никто не наградит. А утром вставать на работу... Или все-таки вызвать милицию? Какой теперь номер – сто два?.. Но ведь затаскают как свидетеля... Нет уж, пускай другие звонят... Глазки закрывай, баю-бай!

Мажара никак не укладывался. Толстокожий дикий кабан, щетинистый, неуклюжий. Он выписывал пьяные зигзаги, рисуя кровавую авангардистскую картину. Цеплялся за мебель, рушил, переворачивал. Налетал на стены, отталкивался и дальше валял ваньку-встаньку.

«Клируотер... Копперфильд... Теллер!»

Для этого сумоиста нужен был большой калибр. Я пожалел, что не взял ружье.

Раненый, бешеный, он вдруг ломанулся в контратаку. Сорвал со стены телевизор, занес над головой и – хаккэёй!²⁵ – доской.

Я попал ему в рот. Повторил между глаз. Мажара фыркнул, встряхнул головой и повалился. Вроде всё. *Хигаси-но кати*²⁶...

¹⁶ Павлово поле – исторический район Харькова, отделенный от центра города Саржиным яром.

¹⁷ Ниси (яп. – запад) – боец сумо, представляющий в схватке запад.

¹⁸ Кира (яп., искаженное англ. – killer) – убийца.

¹⁹ Хигаси (яп. – «восток») – боец сумо, представляющий в схватке восток.

²⁰ Ёкодзуна – высший ранг борца сумо.

²¹ Десу (яп. – «быть») – глагольная связка, которая ставится в конце предложения, чтобы придать вежливый оттенок.

²² Дзикан иппай/дзикан десу (яп. – «пора/время истекло») – команда сумо, которой объявляют начало схватки.

²³ Кати (яп.) – победа.

²⁴ Ёрикири (яп.) – техническое действие в сумо: вытеснение за круг при обоюдном захвате.

²⁵ Хаккэёй! – команда сумо, призывающая начать/продолжить схватку.

²⁶ Хигаси-но-кати! (яп. – «победа востока») – объявление победителя, который представлял восток.

Но тут в дверь позвонили.

Тилинь... Тилинь... Тилинь...

Хозяин не сможет ответить на ваш звонок.

Ти-и-илинь! Мое сердце тоже тилинькнуло, когда я посмотрел в глазок.

За дверью стояла Полина Леонтьевна.

3. Еще один «висяк»

Убивать скучно. Если раньше от выстрелов закипал борщ эмоций, хотелось разрушать и творить – для себя, для следственного отдела и отдела новостей – то сейчас все потонуло в рутине. Праздники превратились в будни, поэзия стала прозой. Меня уже не завораживают кровавые картины убийства – ни узоры, ни знаки, ни иероглифы.

Что же изменилось? Может, меня испортили деньги? Или развратила безнаказанность? Милиция знает, что я убийца, но не трогает меня. Пока есть Гусейнов, моя задница в полной безопасности – сухо, комфортно и дышится легко.

Гусейнов – больше, чем участковый, и больше, чем капитан. Он не дожидался званий и должностей, он повысил себя сам. Поменял плащ-палатку на листы асбофанеры. Расширил свой участок, отобрал кормушки у соседей. Сходка участковых уполномоченных закончилась фатально для самых непримиримых – капитан Окидокиенко и лейтенант Бегун получили огнестрельные ранения. Начальнику райотдела это не понравилось, но Гусейнов вовремя женился на его дочке, бальзаковской невесте.

Гусейнов вернул город в девяностые. Опять крыши, опять мокруха. Не хочешь платить – мокни. Сначала устное предупреждение, затем желтые карточки. Как в футболе. За грубую игру – сразу красная, удаление с поля. В таких случаях Гусейнов приподнимает шиферину, а я проливаюсь смертельным дождем – на погоны, подгузники и пеньюары.

Когда дело поставлено на конвейер, качество страдает. Я не ограничен ни временем, ни средствами. Можно даже не целиться, не прятаться, а подойти в открытую к жертве и забить рукояткой пистолета. Пускай кричит – хоть лопнет. Любого, кто придет на помощь, оболую свинцом. И ничего страшного, если ошибусь, промажу. Закончу в следующий раз.

А ведь раньше все было иначе. Я работал чище. Стрелял точнее и быстрее. Конечно, был первый блин – вьетнамец с Барабашовского рынка, которого я спутал с другим вьетнамцем у медицинского центра «Интермед». Зато потом я укладывал своих жертв шпалами и проносился по рельсам скорым поездом. Мне платили мало, даже не хватало на нормальное оружие, однако каждое убийство было песней – арией дэт-метала.

Деньги как наркоз: чем их больше, тем дольше обезболивают. Когда их мало, когда на купюрах не Скворода, а, скажем, Грушевский, просыпается сиротка-совесть, чахлое дитя в старушечьей косынке. Наводит на меня свои телескопы, качает головкой, причитает. Сосет душу через трубочку. Чтобы ее унять, приходится придумывать оправдания. Злословить об умерших. Находить в людях плохое.

Это несложно, ведь плохое можно найти всегда. Вот взять Мажару. Все смертные грехи, как грязь на подошвах – и алчность, и желчность, и чреводеяние, и блудодеяние. Чего только стоит объявление несправедливой войны. И зачем было поднимать меч против нас?

Другие ничем не лучше Мажары. Святых людей нет, по крайней мере у нас... Священник на «Лексусе» сбил прохожего и уехал. Учитель на «Фуджи» изнасиловал ученицу и тоже – в бега. Я их не убивал, но если бы пришлось, меня бы не мучила совесть.

Моя совесть очень слаба, она болеет с самого детства. Долгое время она была в коме и вообще не беспокоила меня. Я мог позволить себе многое. Убивать кого угодно и как угодно – без оглядки на мораль.

Одного я прирезал на Алексеевке – посреди людной улицы, и меня никто не запомнил. В другой раз я ушел от облавы на Салтовке, пристрелив троих. Я гордился собой.

А что теперь? Теперь мне стыдно смотреть на ментов, которые прибыли раньше на место преступления. А им стыдно смотреть на меня. Мы проходим мимо, пряча взгляды. В нашем случае – ещё один «висяк».

4. Лука и Псёл лучше...

В зеркале я вижу Дурманова. Это мужчина...

Что ещё можно сказать о Дурманове?

В детстве он ел плохо, потому что выделялось мало слюны. Врачи говорили, что это от нервов. Мама пережевывала еду и скатывала из нее сочные шарики, но Дурманов все равно не ел. У матери были разноцветные глаза. Один каре-зеленый, другой – тигровый. Такое чаще встречается у животных, чем у людей. Мать была решительной и бесстрашной. Чего не скажешь о ее сыне, грозе щенят и цыплят. Неудивительно, что в шестом классе его побил пятиклассник Гусь. Когда синяки пожелтели, Дурманов получил кличку Поганов. И так – до выпускного, до танца с Томкой Килькой и того самого поцелуя. Оказалось, что он не поганка, а шампиньон – он может кому-то нравиться. Лед тронулся. Дурманов поступил в Зооветеринарную академию и выучился на менеджера. В его группе были одни девушки – Дурманов выбрал себе цыганку, которая не умела гадать, петь и танцевать.

Что ещё? Когда Дурманов брился...

Вот черт... снова порезался.

– Валера!

Жена зовет завтракать. Жену зовут Полиной Леонтьевной.

– Сейчас, Полина Леонтьевна.

Давным-давно она преподавала ему русский язык и литературу. Она была самой красивой женщиной в школе. В неё влюблялись все ученики и все учителя. Увы, их любовь не была долговечной. Лишь Дурманову удалось сохранить свои чувства.

Однажды осенью Дурманов нашел ее в чеховских местах. После развода с мужем, доцентом кафедры «Сопротивления материалов», Полина Леонтьевна вернулась на Луку, окраину Сум. Её родной дом, зажатый, задавленный соседскими коттеджами, находился чуть ниже разрушенной усадьбы помещиков Линтваревых – прямо на берегу реки Псел, где когда-то рыбачил Антон Павлович. Работала Полина Леонтьевна рядом, во флигеле, превращенном в Дом-музей Чехова. Водила посетителей по тесным комнаткам, рассказывала о жизни и творчестве писателя, о рассказе «Неприятность» и самой большой неприятности – смерти брата Николая, художника, больного чахоткой.

«Это тяжело подействовало на Антона Павловича. Он уехал в Ялту, но всю жизнь, всю свою жизнь, скучал по Луке».

Полина Леонтьевна стояла так близко, щекотала дыханием, пахла землей и листвой. Не отступала, не отстранялась, когда Дурманов напирал. Она знала, что молодой белоухий Антон Павлович, нарисованный Николаем Павловичем, не смотрит – отвернулся.

А на улице сыпалась осень. Золото стекало с осин на ивы и дальше – в воду. Кленовые веники над дорогой накалялись, краснели, багровели...

«Не слишком ли быстро?»

«Да, время летит...»

Зато в детстве оно тянулось, как жевательная резинка. Турецкие «Финал-90» или «Турбо» со вкусом автомобильных покрышек. Дурманов помнил, как болели скулы. Но он не останавливался – работал челюстями, множил вкладыши и ждал того дня, когда сможет жениться на русской литературе...

Мечта стыдливой любви, надежды милые черты... С каждым классом всё четче и смелее. И ничего, что учительница вышла за другого. Дурманов разворачивал очередной «Финал-90» (или уже «Финал-92»), засовывал вкладыш с дредастым Гуллимом (или солнцеголовым Вальдеррамой) под обложку тетради, а твердую, крохкую жвачку за щеку. Медленно разжевывал, постепенно смачивая слюной. Он знал, что после школы всё изменится.

«А помнишь, кто виновен в гибели вишневого сада?»

Дурманов помнил, как получил двойку за это сочинение. Помнил, как свалился взглядом за вырез платья, как узрел вершину её айсберга. Долгое время он чувствовал себя «Титаником» на дне Атлантики.

«Ты знаешь, что здесь Чехов задумал „Вишневый сад“? Что в пьесе описана усадьба Линтваревых?»

Обшарпанное дырявое здание качалось на янтарных шелестящих волнах, которые выкатывались из одичалого фруктового сада.

Улица Чехова вела вдоль берега – к жилищу Полины Леонтьевны. Неприметный маленький дворик, увитый плющом и виноградом. Старая черепичная крыша, столярные окна...

«Извини, у меня не прибрано...»

Чисто и уютно... Электрочайник, чай в пакетиках, чайное печенье. На стене выцветший плакат – летучие голландцы: Гуллит, Райкард, ван Бастен. Чемпионы Европы восемьдесят восьмого года.

«В финале отец болел против наших. Он не любил Советский Союз».

«Зря. Сильная была сборная...»

Неловкая пауза, затем – как с цепи... Кубарем в спальню, на широкую кровать. Над головой украинский импрессионизм – пасака, бородатый дед читает в тени газету... Почему-то на коленях...

«Это Онацкий...»

«Кто?..»

«Был руководителем нашего художественного музея, потом – расс... Помоги расстегнуть».

Это случилось раньше, мужа-сопроматчика никогда не было дома...

– Валера, ну сколько можно?

– Иду-иду...

В первый раз Дурманов притащился к ней с четырехтомником Набокова. Была такая же осень и такой же чай. И полная растерянность, хотя Дурманов вроде бы всё продумал. Он снова чувствовал себя школьником, двоечником. Подавленный, приглушенный голос, словно из-под подушки. Неуместные, запоздалые реплики, все слова против шерсти. Путаница с «ты» и «вы». И вдруг странный звонок от брата-кагэбиста, повышенные тона, слезы. «Тебе лучше уйти...»

Сила – последний аргумент Дурманова. Атака Турати, защита Лужина. Даже не шахматы, а чапаевцы. Настоящим мужчинам ума не надо. Полина Леонтьевна посопротивлялась для приличия, но в итоге все равно сдалась... «Лолита» наоборот – Гумбертино на лихом коне. Начало тайных скачек...

«Дурманов, ну зачем ты приехал? Что было, то прошло. Мне хорошо здесь, даже не уговаривай. Могу процитировать Чехова: Аббатия и Адриатическое море великолепны, но Лука и Псел лучше...»

Дурманов не уговаривал. Они просто оказались в его новой теплой квартире возле стадиона «Металлист». Двадцать восемь градусов, как в Раю, можно забыть об одежде.

Дурманов вытирается полотенцем. Я оставляю его в зеркале и иду на кухню.

– Вчера ты поздно вернулся.

– Работа...

– Работаешь на износ, Валера.

Полина Леонтьевна подозревает, что на самом деле я не риелтор. Что агентство недвижимости «Алтарь» – это ширма. Я плачу за аренду помещения и за лицензию эксперта, и плачу немало. А рынок благополучно стоит, как всегда, ничего не покупается и не прода-

ется. В мой офис на окраине города, между Лесопарком и Пятихатками, никто не заходит. Я позаботился, чтобы рядом не было транспортных остановок.

– Гусейнов заходил.

– Кто?

– Участковый.

– И что ему надо?

Конечно, я знаю, что нужно Гусейнову. Мне тоже нужно задать ему кое-какие вопросы.

Я прокалываю вилкой глазунью и макаю хлеб, а Полина Леонтьевна нежно смотрит на меня. Её халатик распахнут.

Я протягиваю руку и мажу желтком её большую белую грудь.

– Сначала доешь!

Полина Леонтьевна смеется. Люблю, когда она так смеется. Интересно, будет ли она смеяться, когда услышит о Мажаре.

5. И примкнувший к ним Шепилов

В опорном пункте «Ла-Рошель» капитана Гусейнова не оказалось.

– Выехал на место, – сказал из-за монитора участковый Какулин.

Какулин изучал страницы потенциальных преступников в соцсетях. Он ещё не заслужил автомобиль, поэтому обходил свой участок виртуально.

– Когда выехал?

– Ну и вопросы у тебя, Валера.

Пришлось ехать к Гусейнову домой. У Гусейнова было много квартир, жен и детей, но я знал, что он живет один, далеко за городом, в доме, напичканном самой крутой техникой.

Уже через час я был в деревне. Прыгал по кочкам под музыку «Рэд Снэпэ», нюхал коровье дерьмо и давил тупых кур, которые сами бросались под колеса. Куры – не гуси, за них не наказывают.

У подножия особняка стоял джип-«туарег»... Гости. На всякий случай я дал задний ход. Свернул на какой-то въезд «Щорса». В конце тупика сидела бабулька. Она поднялась и замахала костылями.

Я вылез из машины, чтобы успокоить её. И тут раздался выстрел. Пуля просвистела совсем рядом – шустрая, горячая – застряла где-то в заборе. Вторая пробила стекло открытой двери. Следующая все-таки попала в цель – оглушила, обожгла ухо.

В ответ одноухий Ван Гог уложил Гогена выстрелом в грудь.

У этого Гогена был отличный костюм. Я не сомневался, что в его кармане удостоверение сотрудника спецслужбы.

Зажимая рану рукой, я поднялся с земли и посмотрел на бабульку. Ей повезло меньше, чем мне. Она разбросала костыли и руки у своей калитки, никому не нужная, кроме квочки с цыплятами.

Я перелез через забор – в заброшенный двор. Вскрабкался на сухую навозную кучу, чтобы видеть дорогу. Напарник показался через секунду. Лицо кавказской национальности. В таком же черном костюме. Крался, выставив пистолет СПС. Я специально выстрелил в ухо. Месть Ван Гога.

Кровь не останавливалась. Я вернулся к машине за аптечкой, перебинтовался и выпил пару таблеток солпадеина. Как только немного полегчало, я занялся агентами. Оттащил в сторону, вывернул карманы.

Тархан Таримов и примкнувший к ним Шепилов. Федеральная служба безопасности.

И что они делают на Украине?

Ещё один вопрос к Гусейнову.

Я проник в его дом со двора, через окно на втором этаже. Внутри все было перевернуто вверх дном. Я бесшумно прошелся по комнатам и спустился вниз. Под ногами коварно чавкнул тубик геля-лубриканта.

– Гусейнов, – тихо позвал я. – Серега... Гусь!

Он не ответил. Он сидел на кухне, привязанный к стулу. Мокрый, мертвый. Голова закинута назад, на лице кровавая тряпка. Сквозь неё лили воду. Кристально чистую воду из артезианской скважины. У капитана Гусейнова была самая лучшая вода.

6. Вас обслуживает участковый...

Гусейнов был кремнем. Он высекал огонь из всего, что стояло у него на пути. Плечи у него были узкими, покатыми, но он все равно умудрялся задевать людей, чиркаться, искрить.

Его фото висело на почте. ГУСЕЙНОВ Сергей Тимурович. Вас обслуживает участковый... Спасибо, не надо. Типичный ментовский кастинг. Свиное рыло, розовое, щетинистое. Мелкий брезгливый взгляд. Смотрит как на дерьмо.

Долгое время я смотрел на него так же. Как и все участковые, он гонял бомжей, трусил бабушек с пирожками, собирал дань с продавцов цветов и пиратских дивиди. Кто бы мог подумать, что Гусейнов способен на большее? Что он станет моим работодателем. Что ему будут отстегивать дельцы и барыги, а я – устранять тех, кто не отстегивает. Что нас будет бояться весь район и начальник райотдела.

Гусейнов заставил меня играть по своим правилам. А это непросто, ведь я не лох какой-нибудь. Я оружейный полиглот. Плюю пули как семечки. Привычен как к огню, так и к мокроте. И умею заметать – следы.

Заказ приплыл из города Чугуева. Я должен был шлепнуть Гусейнова. Но впервые в жизни я обратил оружие против своих заказчиков.

Неделей ранее участковый задержал велосипедиста. Лосины и лосиные рога под шлемом, а в рюкзаке килограмм марихуаны.

– Это не мое...

– Где взял?

– Нашел...

Гусейнов хотел отобрать траву и дать пареньку под зад, но тот уперся рогом. Оказал сопротивление. Пришлось вызывать подмогу. «Газель»²⁷ примчалась как антилопа и увезла весь улов.

Участковый остался ни с чем. Но худшее было впереди. В отделении переусердствовали и отбили наркокурьеру органы внутренних дел. Утром известили родителей. Все бы ничего, не будь отцом убитого чугуевский авторитет Кошель. Он прилетел на личном вертолете и забрал тело сына из морга.

«По-звоночная» система заработала на полную катушку. Опера были обречены, но начальник райотдела до последнего пытался спасти зятя.

Увы, Кошель был глух. После похорон в агентстве недвижимости «Алтарь» появился посетитель. Вылитый Си-Три-Пи-О, андроид из «Звездных войн», только не золотой, а бронзовый, зачехленный в кожаный бушлат со стойким горьковатым запахом. Воин Селифонов, железный человек, подполковник в отставке, компаньон Кошеля. В одной руке флешка с данными, в другой – сумка с наличными, мой аванс.

Я пощелкал фотографии на компьютере. Оперуполномоченные по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, борзые, непуганые. И старый знакомый – участковый Гусейнов. Улыбка привалена щетинистой глыбой щеки. Мешки под глазами клонят голову к земле.

Всё понятно – я вытащил флешку, расколочил ножкой стула и расплавил зажигалкой чип памяти.

– Что-то не так?

– Предпочитаю бумажные носители.

Воин облегченно крякнул и расстегнул передо мной сумку. Я был единственным, кто не боялся стрелять в мусоров. Где бы он нашел других исполнителей?

²⁷ Автомобиль ГАЗ-3302.

Я тут же засучил рукава. Старшего лейтенанта Кинаха я расстрелял в подъезде, а капитана Марченко – в автомобильной пробке.

Гусейнов? Самая легкая цель, к тому же под боком. Никуда не денется до завтра.

На следующий день он сам позвонил мне. Забил стрелку в кафе. Мне было так смешно, что я не мог ему отказать.

Кафе «Усама» – русский теремок с бизонами у входа. Всё, что душа пожелает. Суши, пицца, шашлык. Банкеты, креветки, караоке. И, конечно, счастливые часы: после третьего пива коктейль в подарок.

Гусейнов сидел за дальним столиком – напряженный, несчастный, без пива. Я присел напротив и почувствовал яйцами дуло Макарова.

– Завалишь? – ухмыльнулся я. – Здесь?

Гусейнов молча смотрел на меня, изучал, приценивался.

– Помнишь, как я тебя отделал? – зачем-то напомнил он.

Да, я помнил, как мы дрались в школе. Скользкий пол, натертый парафином. Кольцо одноклассников – Витя Бур, Будённый, Лёха Бес... Мои друзья, моя братва, теперь – свирепая толпа, готовая разорвать на части. Толчки, рёв, требования крови. «Понеслась!..» Я начал неплохо, покрутил мельницу, сблизился и опрокинул Гусейнова. Лежачих не бьют? «Костыляй! – подсказывали мне. – Добивай!» Надо было послушаться. Шкет поднялся, смахнул слезы и прыгнул блохой, головой вперед... Потемнело, зазвенело, нос потяжелел как гиря. Я согнулся и увидел кровь – на руках, на одежде, на паркете. Гусь добавил еще, слабо, нерешительно, а потом послышался вопль завуча Любочки. Дети разбежались, меня завели в класс и запрокинули голову, чтобы текло внутрь, а не наружу...

Я облажался по полной. Хорошо, что Полина Леонтьевна не была свидетелем моего унижения. Она пришла работать в школу позже, когда мы перешли в следующий класс.

– Ты был на год старше... – сыпнул соли Гусейнов.

Хуже не придумаешь. Малолетки – все равно что девочки. Им нельзя уступать в принципе, иначе песенка спета. Ты станешь козленочком. И тебя будут опускать все подряд, даже самые дрыщи.

– Как насчет реванша?

Бить или не бить? Было очевидно, что я сильнее Гусейнова. Но кому я должен был это доказывать? Школа закончилась, мой позор остался в прошлом. Уже ничего не изменишь.

– Я могу предложить больше, – сказал Гусейнов.

– Вряд ли.

– Отвечаю. Я стою дороже, чем они заплатили. В разы. Разве ты не видишь перспективы?

Я и вправду не видел.

– Сейчас я строю империю. Пока еще кот наплакал – пара-тройка участков. Но для начала сгодится. А если со мной будут такие, как ты, дело пойдет быстрее...

– Откуда дровишки?

Гусейнов вернул пистолет в кобуру. Видимо, решил, что мы договорились.

– Харьков – торговый город... Знаешь, сколько на районе стихийных рынков? И все отстегивают за крышу. А куда деваться?

– Я не работаю за копейки.

– Поверь, это не копейки, – участковый чуть понизил голос. – А есть еще тема с наркотиками. Можно сделать миллионы. Можно жить и припевать. Обеспечить себя, своих детей...

У меня не было детей. Полина Леонтьевна очень хотела, но не могла. Чтобы она не унывала, мне приходилось играть роль не только мужа, но и ребенка.

– Станем хозяевами. Ведь это наш район, наша земля! Мы будем управлять наркотрафиком и устанавливать таксу! Мы...

Гусейнов увлекся. Он кричал чересчур громко. К нам повернулись недовольные жлобские морды со своими подругами, молодыми и не очень, клонами Таисии Повалий²⁸. Циркулярки наизготовку – если что, завизжат, запилят любого.

На шум подплыл официант, груженный икрой и шампанским.

Я перевернул столик секундой ранее. Прыгнул щучкой в сторону.

Перед глазами заплясали белые кроссовки, остроносые туфли и шпильки.

Участковый так и не выстрелил.

– Всем сидеть! – орал он, размахивая пистолетом. – Сохранять спокойствие!

В «Усаме» Гусейнова знали и уважали. Посетители вернулись на свои места. Заиграла песня француженки Заз²⁹.

– Ладно, – сказал я участковому, – уговорил...

– Так бы сразу...

На радостях он завибрировал подбородками.

Почему я передумал? Во-первых, я убедился, что Гусейнов крепкий орешек. Хоть фараон и фанфарон, ему можно было довериться. А во-вторых, мне нужна была постоянная работа. Я загорал месяцами, иногда годами в ожидании заказов. К сожалению, в стране перестали убивать. Еще этот кризис. Чтобы просуществовать, приходилось заниматься недвижимостью. Я сильно рисковал, потому что был заложником нотариусов, архитекторов, инвентаризаторов. Однажды я чуть не угодил за решетку вместе с бандой черных риелторов.

В общем, пора было завязывать с фрилансом³⁰. Пока мое копые не затупилось и не заржавело. Гусейнов обещал практику, стабильность, а дальше всё зависело от меня – золотые или какие-то другие горы.

– Водки, – сказал участковый официанту, так и не открыв меню, – И чё-нибудь русского, картошки, селедки. Как всегда... Вепрево колено? Тащи свое колено.

Он посмотрел на меня:

– Или ты хочешь суши?

Я не хотел суши. Я думал о Кошеле, об ответном ходе. Маловероятно, что Воин Селифонов нанял дублера, но я все равно побросал лассо взгляда на посетителей. Мажоры сельского разлива, хамоватые аристократы, вчерашние короли подворотен. Шмары-манекены: шик, блеск, пустота. И немного пузатой мелочи, перекормленной пиццей и кока-колой. Никого подозрительного, если не считать официанта. Слишком умные глаза, полускрытые густыми черными бровями.

– Официант – сволочь, – прочитал мои мысли Гусейнов. – Мог бы поторопиться. Вот не дам разок чаевых...

За окном остановилась убитая «копейка». Водитель долго не выходил из машины. Я обратил внимание участкового.

– Я его знаю, – сказал он, – Гера Шимко, поджигатель.

– Как это поджигатель?

– Классовая война... Поджёг жену за то, что ушла к банкиру. Сгорела заживо, так и не сняла шубу. Потом настал черед банка. Потом «Барабашовки». Теперь хочет спалить «Усаму»...

Гусейнов хитро подмигнул мне.

---

²⁸ Таисия Повалий – украинская певица.

²⁹ ZAZ (Изабель Жеффруа) – популярная французская певица.

³⁰ Фриланс (от англ. free lance – вольное копые) – осуществление деятельности без длительного трудоустройства или штатной работы.

– Но я ему запретил. Пока...

Наконец принесли. Мы выпили, закусили и повторили. Каждая рюмка приближала Гусейнова. В конце концов мы сблизились так, что стало тесно и душно.

– Давай проветримся, – предложил Гусейнов.

А может, предложил я.

Мы шли по разграффиченной улице Гоголя, ветхой, кирхой³¹. Кислотные комиксы на стенах. Гоголь-моголь. Зомби-война. Бодрый Вакула, похожий на солиста «Гоголя Бордэлло»³², красавица Оксана, которая стала летчицей. Черевички и сапоги, шинель и пиджак...

– По-любому, надо свергнуть Кошеля. И ты, Брут, займешься этим.

Брут расплывчато кивнул Кассию.

– Есть одна коза. Зависает в картинной галерее. Готова на всё ради меня. И попарит, и спать уложит. Накормит собой, напоит, как положено. Любовь – пленительное чувство. Это тебе не картошка. Хотя тоже раком...

Гусейнов игриво задел меня локтем.

– Я ей: у меня есть жена, дети. Не беда – буду любовницей. Так и любовница есть!

– Да, сложно...

– И не говори. Будто нет других мужиков. У них там вояки служат, летчики летают. Нашла бы себе офицерчика. Так нет же, что-то во мне нашла...

Он вопросительно посмотрел на меня, но я пожал плечами.

– Конечно, у меня водятся бабки. Купил ей шкаф-купе, еще какие-то побрякушки. Думаешь, поэтому меня любит?

– Не думаю.

– И я не думаю. Все-таки есть во мне какой-то стержень. Шест, на котором они крутятся, раздеваются.

Я не мог понять, злится Гусейнов или радуется.

– Честное слово, достали своим стриптизом. Отдамся, но не сейчас, не сразу. Сперва ужин, шампанское, свечи. Медленно, под «юбейбистап»³³, шмотки, тряпки, лифчики, трусики. А оно мне надо? Много нам, мужикам, надо?..

Я промолчал.

– Хотели меня повесить в райотдел, дать майора, но я отказался. Лучше на свежем воздухе, чем в кабинетах. Жена не понимает, что не в должности счастье. На столе авокадо, ананасы за семьсот рублей. Фуа-гра, улитки – в кастрюльке из «Парижа»³⁴. Так нет же, ей мало.

– Как её найти? – прервал я Гусейнова.

– Кого? Однокозову? Видел «анимэ»? Тогда её узнаешь. Её Викой зовут. Вика-Вика-Виктория, печальная история...

Гусейнов ухмыльнулся.

– Короче, делай с ней что хочешь, но Кошеля грохни. Если не вынь, то положи.

План был верняковый: Кошеля, любителя побулькивать кальяном на свежем воздухе, можно было достать снайперской пулей с башни художественного музея.

– Однокозова всё устроит, – сказал Гусейнов. – Только выстрели – и конопляная империя наша. Мы будем править вдвоем, вместе, как Путин и Медведев. Почему нет? Чем мы

---

³¹ Раньше в начале улицы стояла лютеранская кирха, теперь посередине стоит Римско-католический костел.

³² Гоголь Бордэлло – американско-украинская панк-фолк-рок-группа.

³³ Неправильная транскрипция песни Sam Brown «Stop». На самом деле: «Oh you'd better stop before you tear me all apart» – «Остановись, пока ты не порвал мою душу в клочья».

³⁴ «Париж» – французский ресторан в Харькове.

хуже? Я президент, а ты премьер. Или наоборот. Кошель слаб, он неспособен разобраться даже с местными калмыками.

Я промолчал. В свое время я тоже не справился с одним калмыком.

– Ты прикинь, какие там урожаи. Да мы просто завалим рынок нашим товаром. Тридцать пять тысяч одних курьеров. Город будет наш. Что там город – вся страна...

Империя участкового разрасталась. Он уже был королем, причем козырным. А меня произвел в фельдмаршалы.

Хлестаковщина закончилась у отеля «Чичиков». Гусейнов поскользнулся, прикусил язык и указал на свой грязно-серебристый «форестер».³⁵

– Не знаю, как ты, а я давно хочу поменять тачку.

Тут наши пути разошлись. Гусейнов поскрипел по улице Скрипника, а меня понесло через сквер Победы с Зеркальной струей и бронзовыми героями-комсомольцами – по Мирносицкой. Как обычно, я остановился на удачу перед монументальным зданием украинских кагэбистов.

Рано утром я попрощался с Полиной Леонтьевной и поехал в Чугуев на экскурсионном автобусе. Уже к вечеру калмыцкие сабли порубали виноградник Кошеля. Золотое поле стало красным, и рогатые полумесяцы отразились в кровавых лужах³⁶.

Всё время лил холодный осенний дождь, я промочил ноги и простудился.

---

³⁵ Subaru Forester – японский компактный кроссовер.

³⁶ Герб города Чугуева.

7. По реке плывет утюг из города Чугуева...

Кошеля защищала стена дождя. Ветер расплескивал серые акварельные тучи, и грязные потоки струились вниз, на площадь, посреди которой безногий Ленин на тележке искал свои утюги.

«По реке плывет утюг из города Чугуева...»³⁷ Вот уж точно – картина Репина «Приплыли»³⁸.

Битый час я обнимал винтовку Драгунова в бывшем корпусе уланского полка, теперь – художественной галерее, надеясь, что распогодится, что оцинкованное ведро над городом наконец-то перевернется и покатится со склона – в Ногайскую сторону. Но видимость не улучшалась. В такое ненастье даже пули не летают.

А всё начиналось неплохо. Солнце запуталось в тучах, но все равно было еще довольно светло. После посещения музея великого художника, спрятанного в одном из домов отставных, казенных казаков, после знакомства с сокровищами – жуком для снятия обуви и портретом лукавой Марианны Веревкиной³⁹, наш автобус остановился на Александровском плацу, где когда-то проводились парады и экзекуции. На одной стороне шарообразный собор с утонченными колоннами, на другой – скромный путевый дворец царя. Совсем рядом притаился обрыв. Над пропастью я понял, почему именно Чугуев столетиями был пограничной крепостью.

По дороге к П-образному зданию военных штабов традиционный репинизм неожиданно сменился фовизмом⁴⁰. Небо одичало, брызнуло ярким чистым светом, подожгло листья на деревьях. Сразу же налетел ветер и сорвал, закрутил желтые и красные огоньки. Краски смазались и смешались, но не успели мы зайти в художественный музей, как потемнело и полило сверху.

В толпе народа я плавал как рыба. Туда-сюда, мимо кассы с сувенирами. Привлекал к себе внимание, выпячивал сумку. Когда нарисовалась она, я вынырнул навстречу. Гусейнов сказал, что я её сразу узнаю, что она похожа на «анимэ». Действительно. Это была Однокозова. Наша Однокозова. Тонкая, хрупкая, зато глаза-блюдца и волосы Горгоны.

Ну а дальше по нотам:

«Вам придется оставить сумку».

«Но там ценные вещи...»

«Мы за нею присмотрим».

И отнесем наверх, в двухъярусную башню над смотровой площадкой, где когда-то занимался военный топограф Илюша Репин. Откуда вся рубаха города, чуга⁴¹, как на ладони – и Генеральская гора, и гора Гридина, и еще семьдесят семь холмов, излучины Чуговки и Северского Донца, зеленые от тропической пистии⁴². И ангары военного аэродрома с «Ан-Ту-Анами» и «МиГами⁴³». И, конечно же – дом-крепость Кошеля. После обеда

---

³⁷ Народное творчество: «... ну и пусть себе плывет, железяка х****»

³⁸ На самом деле картина Соловьева «Монахи» («Не туда заехали»).

³⁹ Марианна Веревкина – русско-швейцарская художница, ученица Репина. Перешла от реализма к экспрессионизму-фовизму.

⁴⁰ Фовизм – направление во французской живописи. Характеризуется «дикой» выразительностью красок, динамичностью, стремлением к эмоциональной силе.

⁴¹ Чуга – старинный узкий кафтан с короткими рукавами для верховой езды и для военных. От чуги пошло название реки Чуговки и города Чугуева.

⁴² Пистия – тропическая водоросль, неизвестно откуда взявшаяся в Северной Донце. Биологи подозревают, что кто-то вылил в водоем воду из аквариума.

⁴³ Военно-транспортные самолеты «Ан» и «Ту», тактические разведчики-бомбардировщики МиГ.

хозяин всегда курит кальян на балконе – невидимый снизу, неуязвимый, охраняемый бойцами с пищалями и всяким ружьем.

Пока Кошель обедал, я слонялся по залу декоративно-прикладного искусства. Все-возможная керамика, глиняные куклы Деньшиной и Кошкиной, расписные ложки и шка-тулки отовсюду – Палех, Холуй, Федоскино, Мстёра. Фигурки из моржового клыка, оружие из бивня мамонта...

«А за ним плывет утюг из села Неверово...»⁴⁴ Очень интересно...

Я незаметно отстал от экскурсовода и выскользнул в коридор, обвешанный современным экспрессионизмом. Однокозова ждала меня на ступеньках, провела наверх.

– Побыстрее, – она указала на сумку, – а то пропустишь всю экскурсию.

– Странно. Почему в галерее имени Репина нет картин самого Репина?

Однокозова не ответила, ускакала вниз.

Я собрал винтовку, присоединил оптику, магазин и глушитель. Ливень никак не унимался. А на том берегу Кошель, наверное, уже докуривал кальян и допивал травяной чай.

Я еще раз посмотрел в его сторону, помотал головой и вдруг увидел, как на площадь гагатовыми четками вывалились джипы. Большие танки с короткими стволами, они подползли к штабам и замерли возле памятника Ленину.

– Бросай! – прокричала Однокозова, когда я попытался разобрать и спрятать винтовку. – Бежим. Нас. Раскрыли.

Её глаза стали еще больше, а на голове зашевелился змеиный клубок. Мы скатились по лестнице, сбили с ног охранника и побежали – по коридорам с высокими белыми потолками и голыми стенами, мимо массивных деревянных дверей, еще сырых, нелакированных – полетели на свет в конце туннеля, который слабо лился через арочное окно.

– Сюда, – выдохнула Однокозова, врезаясь в дверь плечом. – Помоги. Открыть!

Дверь не поддавалась, видимо, набухла от дождя.

– Может, она закрыта на ключ?

– Нет!

Топот, голоса погони – всё ближе, всё громче.

– Осторожно, Биембель, он вооружен и опасен...

– Зер-зев?⁴⁵...

«Биембель?»

Я толкнул дверь из последних сил. И она приоткрылась. Выдавил себя на улицу, шлепнулся прямо в лужу. Однокозова ринулась следом, но было поздно – её схватили за ноги и затащили назад.

– Халун менд!⁴⁶

Я обернулся – не менты и не кошелевцы. Раскосые глаза, пухлые лица. Потомки калмыцкой Орды, которая стояла на страже империи в Белгороде, а после Азовского похода Петра Великого, переселилась в городище Чугуево. Долгое время калмыки считались лучшими вояками, чем казаки, поэтому получали вдвое больше. Но позже, когда жалование уравнили, обиделись и удалились в свои улусы. Их можно понять. Крещеная часть племени осталась в Осиновке, рядом с семьей Репина⁴⁷, где объезжала диких лошадей и выделывала шубы из овчины.

– Мент хэллун...

---

⁴⁴ Народное творчество: «... и куда ж тебя несет, железяка херова?»

⁴⁵ «Оружие» (калмыцкий).

⁴⁶ «Горячий привет» (калмыцкий).

⁴⁷ Репины жили на улице Калмыцкой (И. Репин, «Далекое близкое»).

Я поднялся и почавкал замшевыми кроссовками к главному калмыку, одетому не по погоде – в дорогой мутоновый полушубок с Барабашовского рынка. В руках он держал кривую саблю, по которой давно плакал Краеведческий музей.

Сонная восковая маска ожила и выплюнула улыбку. Мурза Харин навалился медведем. Сдавил как родного, скомкал в объятиях.

И с каких пор мы такие друзья?

Харин несколько раз переходил мне дорогу. А когда его запрессинговали, пообещал нарезать гондонов из моих кишок.

– Андрей-кагэбист очень звонил, – прошипел Харин на ухо, – просил помочь зятю-своюку. И я прилетел свистун-стрелой, чтобы помочь... а потом взять твои легкие, печень и почки, сварить дотур⁴⁸ и съесть!

Мурза безобразно заржал, а я задумался над его словами. По несчастью или к счастью, Андрей Вовкобой, родной брат Полины Леонтьевны, работал в Службе безопасности Украины.

– Гзи-гзи-гзэо⁴⁹, – подпевала цепочка калмыков.

– Шибко бегаешь, Валера, – в дверях показалась голова половецкой бабы с ракушками вместо глаз.

Биембель – новый калмык. Конечно, он не был бабой. Не так давно мы сошлись как мужчина с женщиной – в страшном поединке. И он взял верх, ранил, но не добил.

– Ну, Биембеля ты знаешь, – перехватил мой взгляд Харин. – Знакомься, моя десница – Бухарин. А это Немаев, Бадмаев, Харламов и Чегодаев... Непобедимый борец Джиргал, меткий стрелок Кобин и Ока Иванович, он уворачивается от пуль. Смотрел «Матрицу»⁵⁰?

Я кивнул, размазал по лицу капли дождя и пота.

– Ты меня пойми. Хорошо всё, что быстро, кроме смерти. Поехали, порвем «матрицу» этому Кошелю. Уралан⁵¹!

– Ура-а-а! – раздался древний калмыцкий клич.

Меня подхватили под руки и повели к табуну лошадей одной вороной породы. Калмыки повскакивали в седла джипов, зафыркали двигателями.

– Биембель, черт нерусский, это наш джэбе⁵²!

– Не, моя джэбе!

– Слезай, кому сказано!

Харин и Бухарин попытались вытащить Биембеля из внедорожника, но тот лягнул их каблуками туфель и захлопнул дверь. Повернул ключ зажигания, опустил стекло и высунулся из окна:

– Билдгд йов!⁵³

Сабля мурзы прошла сквозь шею Биембеля и лягнула о дверцу машины. Голова колобком покатила по асфальту.

– Шакал... – сказал Бухарин, отфутболив голову и вышвырнув тело, – не мог выучить свой джэбе.

Бухарин сел за руль, Харин справа, я сзади. Развязал шнурки, снял кроссовки – носки хоть выкручивай.

– И-и-ы-ыгrrrr! – они снова заржали, но не с меня.

⁴⁸ Дотур – калмыцкое блюдо из бараньих потрохов.

⁴⁹ Из стихотворения В. Хлебникова «Бобэоби».

⁵⁰ «Матрица» (1999 год) – культовый американский научно-фантастический боевик.

⁵¹ «Вперед!» (калмыцкий).

⁵² Джэбе – порода казахской лошади.

⁵³ «Иди нах!» (калмыцкий).

На зеркале висел чей-то скальп. Мурза раскачал его пальцем.

– Ты баран, – беззлобно сказал он Бухарину. – Это не наша машина.

– Теперь наша...

«Теперь наша машина» свернула перед арками торговых рядов и поплыла утюгом вдоль трехглазых линейных домиков военных поселян. Джипы шли по волнам, полоща зубы бамперов. В хвосте пристроился милицейский бобик.

– Сейчас начнется, – предвкушал мурза. – Матрица-Перезагрузка! Матрица-Революция! Восстание калмыков...

Увы, для него всё кончилось в самом начале. Как и для Бухарина. Пулеметы накормили их свинцом до отвала. Тут же взорвался внедорожник с Немаевым и Бадмаевым. Менты моментально включили задний ход. Откуда-то сбоку защелкал винтовкой Кобин. Из укрытия на авось выскочил Ока Иванович, крутнулся и улегся, так и не поняв, где амбразура. А Джиргал, борясь с тенью, уносил с поля боя простреленные ноги.

Джипы пылали как дрова, пахло порохом, железом и горелым мясом – кисловато, приторно. Кто-то из рядовых калмыков выл из-под обломков, кто-то отступал, отстреливаясь через плечо.

Когда стемнело и стихло, я рискнул пошевелиться. Перекантовал Бухарина и улегся за руль. Кто бы мог подумать, что это еще не всё, что ворота крепости отворятся, и на улицу выедет восьмиколесный бронированный «Охотник»⁵⁴ с пулеметами и сдвоенной пушкой на макушке. Я затаил дыхание и зажмурился – только не артиллерия! И командир бэтээра сжалился, выпустил короткую пулеметную очередь и покатил к следующей цели...

Я подождал еще немного и дал по газам. Раненый автомобиль захрипел и пошел крепном, припадая на пробитое колесо. Рой пуль опять облепил алюминиевый круп, но с горем пополам я добрался до спасительных зарослей шиповника. Добил лобовое стекло саблей Харина и выполз под дождь, в колючки и грязь.

Калаша тарактели почти в спину – даже если не попадут, то засыпят гильзами. Я погреб через кусты бассом... и завис над бездной. Очередной чугуевский холм. Снизу дынуло болото.

Склон оказался не таким крутым. Я прыгнул солдатиком, а приземлился офицером. Калмыки покрутили пальцем у виска, будто отдавая честь, после чего нагнули лозу и выудили меня из трясины.

– Ты многих убил? – первым делом поинтересовался толстяк Харламов.

– Никого. А ваш Кобин, кажется, убил одного.

Калмыки были довольны. Передавали друг другу пять, пока на склоне не взорвалась граната.

– Идиоты... – сказал Чегодаев. На его бульдожьей щеке проступил пунцовый шрам, похожий на китайский иероглиф.

– Уходим отсюда, – сказал Харламов.

– А почему ты всегда командуешь?

– Тогда оставайся. А я ухожу.

– Сам оставайся!..

Чегодаев оттолкнулся от пуза товарища и ломанулся в камыши. Харламов устоял, сплюнул и направился в другую сторону. Я увязался за ним.

Мы прошли через болотце по бетонному столбу и ступили на неубранный огород в заросли кукурузы и подсолнухов, уже сухих, безголовых. Не без труда нашли межу, которая вывела нас к облупленной мазанке с растрепанной соломенной крышей.

– Расскажи, как Кобин убил Кошеля.

---

⁵⁴ БТР-94 – украинский бронетранспортер, разработанный на базе советского БТР-80.

– Я не говорил, что он убил Кошеля.

– А кого?

С Харламовым было трудно говорить. Я оставил его мокнуть на лавке, перегнулся через тын и посмотрел на дорогу.

– Расслабься, – сказал Харламов, – сейчас нас заберут.

– Кто?

– Поедем к нам, в Кочеток⁵⁵. Выпьем целебной воды, подлечим раны... Во, слышишь джэбе?

Я услышал отдаленное всхрапыванье двигателя и на всякий случай спрятался за хатой. Джип уверенно остановился у двора, из него задом выпал Чегодаев. Готовый. И когда он успел?

– П-думал, дай-чегодай...

– Молодец, что подумал.

Калмыки обнялись и потерлись носами по старому обычаю. Я подкрался к ним:

– Подбросите к Однокозовой?

– Но мур-р... – занервничал Чегодаев, – за... коза...

– Все нормально, – успокоил его Харламов, беря руль в свои руки.

...Однокозова, праправнучка бомбиста, каторжанина, который сидел близ Чугуева – в Печенегах, в подземельях Новобелгородского централа – сидела перед зеркалом с бомбовой прической. Агрессивный «смоки-айс»⁵⁶, динозавровый костюмчик в стиле Леди Гаги⁵⁷ – всё говорило о том, что она побывала в эпицентре взрыва на чугуевской макаронной фабрике «Знаки зодиака».

– Что скажешь?

– У тебя нет носков? Калмыки переодели меня, но не переобули.

Отражение обиделось, надулось.

– Мужских нет. Больше ничего не хочешь?

– Больше ничего. Идем.

Мы перешли к «плану Бэ». День рождения крестника Однокозовой – Павлика Павлова, внебрачного ребенка Кошеля. Я спрятал пистолет среди игрушечного оружия. Однокозова надела острые шпильки.

Подозрительный таксист почему-то косился на меня, а не на макаронину. Он остановился возле занюханной кафешки с кокаиновым названием «Эскобар»⁵⁸. На входе стрельцы в алых кафтанах сомкнули бердыши и обыскали нас с головы до ног.

– А что в коробке?

– Оружие, – честно признался я.

– Он шутит... – улыбнулась Однокозова. – Это игрушки.

– Ладно...

А надо было проверить.

Мы спустились по ступенькам – по плану. Скрытый дымовой завесой, я вытащил пистолет и засунул его за пояс. Помещение першило травой и сигаретами.

Откуда-то прилетела мамаша именинника.

– Коза! Вика! Ну наконец-то!

– Собака Павлова! Аня!

---

⁵⁵ Кочеток – поселок близ Чугуева, известный своими лечебными водами. В 1982 году в поселке был открыт Музей воды.

⁵⁶ Макияж Smokey Eyes (Дымчатые глаза).

⁵⁷ Леди Гага – популярная американская певица.

⁵⁸ Пабло Эскобар – колумбийский наркобарон и террорист.

Подруги показушно расцеловались и прошипели комплименты.

– Выглядишь бомбезно.

– Ты тоже дружок... Мэри Кэй⁵⁹?

– Ой, а это что? Павлику? Он так обрадуется!

Анна Павлова повела нас в детскую комнату, чтобы мы поздравили ее сына.

– А папа что подарил?

– Ты знаешь, пока ничего... Он задерживается, дела-дела...

Павлик – весь в отца. Посмотрел исподлобья, злобно, недоверчиво, но подарок взял. Раскрыл коробку, разложил на столе набор оружия.

– Что нужно сказать крестной?

– Спасибо...

Позже к нам подсел какой-то летчик, уже заметно поддатый.

– Мадам, – сказал он Однокозовой, – я хочу выпить с вами пятьдесят грамм – за вас.

Все пили водку, а перуанский ром «Картавио» стоял для красоты.

– За твоё шестнадцатилетие, Гюзель! – то и дело поздравлял он Павлову. – По-турецки Гюзель – красивая, – объяснял он. – У меня друг в Турции, поедем, нефиг делать... Ты – Гюзаль, значит, красавица...

– Кушай холодец, Хитров...

– Не Хитров, а Хит-ро-у! – отвечал он с закрытыми глазами. – Как аэропорт в Лондоне. Хитроу. Пускай называют, нефиг делать... Я казак и летчик. А вы? Кто вы, что вы? Ходили по небу?

– Ходили...

– Во сне... Во. Сне. Не спите! Почему бокалы пусты? Я хочу поднять тост... Загюзель! Зазвенели рюмки, кто-то чокнулся бульбулятором.

– У тебя совесть есть? Дети смотрят.

– Я же не пью...

В дремучем тумане висели топоры войны. Напряжение нарастало. Клубы дыма размазывались снизу вверх, от рва к валу, принимая очертания казацкой крепости. Башни, рогатки, частокол. Наугольная, Тайницкая, Пятницкая, еще одна Наугольная. Пречистенская с воротами⁶⁰. Кстати, уже открытыми...

– Вот это накурили! – сказал Кошель.

Его заслонял мачтовый бор – казаки, стрельцы, пушкари. Но я все равно пальнул...

Вместо Кошеля рухнул Воин Селифонтов. Кто-то подбил мне руку, а затем попытался вырвать пистолет. Я ударил вилкой не глядя и съехал под стол, увлекая за собой тарелки с угощениями – салаты «О-ля-ля», «Полянка», «Золотое сердце», селедку под шубой, картошку под грибами.

Тем временем стрельцы разрядили ружья. Гости даже не кричали – их рты были заняты едой, да и выпивка обезболивала.

– Не стреляйте! – кричал Кошель. – Он мне нужен живым!

Я выплюнул «тещин язык» и укрылся скатертью. Под рукой оказался куриный окорочок, дальше – ножка, костлявая, женская... Так, это Однокозова. Её шпилька. А где пистолет, где? Я пошарил еще, наткнулся на Хитрова.

– Ну, щас я тебе вставлю турунду, – сказал он. – Нефиг делать!

Он выдернул вилку из груди и снова напал на меня. Пока мы боролись, очереди увеличились. В «Эскобар» ввалились еще какие-то автоматчики.

– Ура-лан!

---

⁵⁹ «Мэри Кэй» – крупнейшая компания по производству косметики.

⁶⁰ Названия башен Чугуевской крепости 1639 года.

Слава богу, нас больше не обстреливали. Я мог заняться Хитровым.

Он был здоровым, но неловким. Я освободился от удушающего захвата, врезав ему по ушам, и вогнал во всю глубину глазницы длинный стальной каблук Однокозовой.

Не успел я выдохнуть, как рядом бурно пронесся Кошель. Багровый, взъерошенный. Подергал дверь, за которой пряталась Павлова с детьми, побился, поизвивался.

– Открой! С-сука...

– Не ругайся, – сказал Кобин, прицеливаясь из винтовки, – там же дети...

Пламя Кошеля угасало, языки больше не жалили, поэтому я подошел вплотную.

– Дурманов, ты? – наигранно удивился он. – Что ты здесь делаешь?

– Я люблю калмыков, – сказал я. – И калмыки любят меня.

– И-ыгр-р! – подтвердили калмыки.

Верность – их главное достоинство. Они не бросили меня в трудную минуту.

– Может, я тебе мало заплатил? – сказал Кошель. – Так не проблема. Договоримся. Деньги есть – хоть жопой. Только ты им скажи, чтобы не стреляли.

Я ткнул его пистолетом.

– Ты выбрал не ту сторону, – сказал мне Кошель, – и теперь по ноздри в дерьме. Но я тебя вытащу. Поговорю с кем надо, отмажу. Всё будет как раньше: ты – меч Родины-Мамы, а я – щит. И над нашей Черной горой⁶¹ не пролетит ни одной птицы.

– Не разводи бодягу.

– Кончай с ним, Валера, – сказал Кобин.

– Предупреждаю! Если тронешь меня, ты покойник. Они с того света достанут. И тебя. И твою училку... Ты знаешь Мажару?

Нет, я ещё не знал Мажару. Я выстрелил Кошелю в грудь. Не забыл о контрольном в голову. За дверью зарыдала Собака Павлова. Своим воем она разогнала тучи, и над Чугуевом засветилась луна.

---

⁶¹ Имеется в виду 90-метровый монумент Родины-Матери на Черной горе в Киеве, над которой не летают птицы.

8. Мой Гай, Рураль и Ромбо

Мне часто снится, что я на горе. Что весь этот мир – от Сум до Луганска и от Полтавы до Воронежа – лежит подо мной, прикрытый грязной ватой облаков.

Я царь этой горы, я хозяин этих снегов – пухлого целяка, жесткого круда, мокрой кижки и ломкого наста. Свежей пороши и прошлогоднего зернистого фирна. Моя кипенно-белая перина покрывает казан спящего вулкана. У изголовья посапывает кратер, попыхивает дымком. Тсс, пусть спит вечным сном. Пусть всегда будут каскады террас, столбы и колонны, полки, желоба и карнизы. Снежные языки, ледовые грибы и каменные морены. Ребрышки, зубчики и гребешки на вершинах...

Пусть всегда буду я.

Каждой ночью я купаюсь в этом богатстве, как дядя Скрудж⁶² в своих мультиплижмиллионах. Каждой ночью я упиваюсь и опиваюсь – гора большая даже для меня. Я хочу поделиться с Полиной Леонтьевной, но она далеко отсюда, на грешной земле.

У нее свои сны и кошмары: школа, меловой карьер или замок Аллы Пугачевой, который превращается в болото на самом интересном месте. А на днях бывший директор Проккопьевич заставил её прыгать с тарзанки в кровавое месиво, где плавали расчлененные тела. По погоням она узнала Гусейнова, тот не сделал домашнее задание, поэтому притворился мертвым. Полина Леонтьевна поставила ему двойку и сообщила родителям, что их ребенок употребляет наркотики...

Мой сон лучше любых наркотиков. Как только я закрываю глаза, становится легко и светло. На ледяном троне пика Ухуру холодно, но хорошо. Здесь я сублимирую, очищаюсь и кристаллизуюсь. Я становлюсь льдом, голубым глетчерным льдом правильной ориентации. Потом – снежинкой Поймай-Меня-Если-Сможешь и лавинкой Далеко-Не-Убежишь. Я тверд и спокоен, моя рука как сталь, а глаз – алмаз. Я выше других. Я могу казнить и миловать. Я заслужил это право. Ведь я «джаро» – тот, кто победил Кошеля, Мажару и барабашовских вьетнамцев.

С горы видна вся Слобожанщина. Когда ветер разрывает тучи, показывается свинцовая спина Владимира Крестителя⁶³ и ниже, под складками мантии – патиновый рельеф царя-мученика Николая Второго. Из-за Харьковской горы выбегает Северский Донец и змеится, струится через Печенежское поле и слободскую Швейцарию, мимо сел, городков и посадов, супермаркетов «Сельпо», «Посад» и «АТБ». Я вижу аты-баты в Чугуеве, Змиевы валы и Горынычевские леса⁶⁴. Вижу Казачью кручу в Коробовых Хуторах, половецких баб на Изюмском шляхе и красноармейскую многоножку⁶⁵ на плитах Кременца⁶⁶. Умозрительный сплав заканчивается под шапкой Святогорской лавры на меловой скале – река утекает на Луганщину, огибая степь донецкую, терриконы и отвалы.

Я чувствую, что Полина Леонтьевна где-то рядом. Я высматриваю её в болотах Богодухова и Волчанска, в карьерах Купянска и Краснограда. Ищу дворец Аллы Пугачевой, айсберг, облицованный плиткой «Арлекино», но нахожу лишь обветшалый Шаровский замок и полуразрушенную усадьбу в Старом Мерчике.

В расстроенных чувствах я навожу оптический прицел на букашек, которые противно копошатся внизу, и ражу их громом и молнией. Это немного поднимает настроение.

⁶² Скрудж МакДак – селезень-миллионер, главный герой диснеевского мультсериала «Утиные истории».

⁶³ Памятник Владимиру Великому в Белгороде.

⁶⁴ Национальный природный парк «Гомольшанские леса».

⁶⁵ Мемориал павшим в Великой Отечественной войне.

⁶⁶ Гора Кременец в Изюме (218 м) – наивысшая точка Харьковской области.

Но вскоре мне становится жалко пуль, предназначенных для важных птиц и владельцев караванов. И, конечно же, для леопарда-людоеда, пантеры-оборотня, барса со ртом на затылке, которого зовут Ириму.

По легенде одна девушка по имени Танда пообещала выйти замуж за леопарда, если он поднимет её на гору на своих девяти хвостах. Зверь выполнил уговор, а девушка – нет. Наверху она наслала проклятие и убежала. Ириму, само собой, догнал её, повалил и съел, после чего превратился в банановое дерево, которое сразу же замерзло от холода.

Не знаю насчет бананов, но замороженный леопард по-прежнему на западном склоне. Рядом с ним кровавые останки карликов...

Нет, это не моя работа. Это всё он – Алекс-сралекс, бывший царь горы.

Он везде оставляет мерзкие следы – то окурков на леднике Пломбира, то плевок в Творожке, то еще какую-то дрянь во Внутреннем Рожке. Топчет мое волшебное снежное царство грязными кирзачами. Он давно заслужил пулю. Даже не одну, а целую обойму.

Я ищу его по всему плато, в седле Макаки и Зубном ущелье.

«Сюда, нзамби, – играет он в прятки. – Холодно, холодно, теплее, опять холодно...»

Горячо не бывает. Стоит мне приблизить прицел, как он исчезает с возгласом «алле-оп». Не знаю, что там у него – шапка-невидимка, плащ Пендри⁶⁷ или Кольцо Всевластия⁶⁸.

«Труп ходячий, – дразнится он, – не догонишь, не возьмешь...»

Я стреляю на звук, в пустоту. Гильзы катятся по ледяной корке и сыплются вниз, на Высоту Конева⁶⁹, звякая об обелиск с золотой головой маршала и стелу, стилизованную под дот.

«Убей себя...»

Я не стреляю, потому что голос раздается прямо в голове.

«Выхода нет, – говорит Алекс. – Узел Горгоны не развязать. Разруби этот клубок змей, умри и освободись...».

Алекс засел глубоко внутри, он и не думает уходить.

«...и останься здесь навсегда».

Я вставляю два пальца в рот, чтобы выbleвать его.

«Зря, – говорит он из-за плеча. – Я знаю, чем всё закончится».

Интересно, от какого верблюда?

«Разве не ясно? Я провидец. Я вижу будущее. И оно ужасно. Оно нарисовано торсионами страха и ненависти. Этот Армагеддон, кровь и пламя сводят меня с ума. Я превращаюсь в животное, рычу, рву и мечу».

Наверное, он и есть Ириму.

«Да, я Ириму, леопард-оборотень. Однажды я покорил гору с Тандой на хвосте».

Девушкой?

«Товарищ, ха-ха-ха, ты красавец... Девушка? Можно и так сказать. Советская власть, бессмысленная и беспощадная...»

Тебя превратили в пальму?

«В педераста, шпиона и врага народа».

Он хекает передо мной, из пасти вырываются облачка пара. Мой палец на курке, секунда – и я сбиваю его чеширскую ухмылку.

«Побереги пули, – шипит он. – Настанет время, когда они будут стоять миллионы».

Смотря в кого попасть.

«В себя. В голову, в висок, если по-русски. Или через рот – по-американски».

---

⁶⁷ Плащ-невидимка из оптических метаматериалов, разработанный английским физиком Джоном Пендри.

⁶⁸ Кольцо в эпопее Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», которое дает невидимость.

⁶⁹ «Высота маршала И. С. Конева» – мемориальный комплекс в поселке Солоницевка.

Он точно доведет меня до самоубийства.

«Сделай одолжение, – говорит он. – Разреши парадокс. Единственному убийце в городе приказано убивать всех, кроме самоубийц. Убивать ли убийце самого себя?»

Убивать... Наполовину.

«Убийство несет разрушительную энергию для других и созидательную для самого убийцы. Но что будет, если убийца направит эту энергию на себя? Птааг⁷⁰ говорит, что вода, а Господь Всемогущий – камень».

Ножницы-бумага! А что будет, если твой Всемогущий создаст такой камень, который не сможет поднять?

«Главное, чтобы не вышел Малый Пенк⁷¹. Понял, Барранко⁷²?»

Как он меня назвал?

«Лучше помолчи. Килиманджаро захватил твой Гай, Рураль и Ромбо⁷³».

Я молчу: ромб на замке, рураль на засове, гай не шумит, роща не шелестит.

«И белая богиня уже Додома⁷⁴».

Полина Леонтьевна? Уже вернулась домой?

«Смотря что называть домом».

Мороз крепчает. Ветер рычит как леопард, завывает и посвистывает. Хватает неласково – за шиворот, за лацканы – и тормошит, шпыняет, швыряет по сторонам. Стужа пробирает до костей, я сгущаюсь, леденею и трещу по швам. От этого дубаря можно дать дуба.

Но вдруг буран заканчивается. Снежный табун кучно ложится сугробами. Спирали рогов раскручиваются, белокрылые барашки, кружась и сверкая, опадают на землю. Мне опять хорошо – мягко и пушисто.

«Я предвижу юпитеры и софиты, цветы и овации...»

Нет, не хорошо – Алекс никуда не делся, не выветрился, не развеялся.

«Вспышки салюта и брызги шампанского. У вдовы Дурманова светлое будущее. Сплошной Большой Пенк!»

---

⁷⁰ Птааг – духовное существо высшего сознания, один из лидеров Вселенных людей (чешское мистическое движение).

⁷¹ Малый Пенк – ледник на северном ледовом поле Килиманджаро.

⁷² Барранко – ледник на западном ледовом поле Килиманджаро.

⁷³ Гай, Моши Рураль и Ромбо – районы административного региона Килиманджаро.

⁷⁴ Додома – столица Танзании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.